Спасти диплом, угнать дракона

Автор:
Надежда Мамаева

Спасти диплом, угнать дракона

Надежда Николаевна Мамаева

Мир Граней #1

Тихая. Серая. Мышь. Именно такой я кажусь остальным адептам в тени негласной королевы академии. Вот только в ослепительном сиянии подруги прятаться от смертельных врагов лучше, чем в любом темном чулане. Но когда мне на голову совершенно неожиданно сваливается адепт по обмену, да еще и альв, это может нарушить всю маскировку. И ладно бы сей милый и скромный гость был один. Увы, программа межрасового обмена не знает жалости и границ! А где один альв, там и второй. Причем в отличие от первого наглый, несносный и самоуверенный гад, которому от меня что-то определенно нужно. Что именно? Ну что же, поживем – увидим…

Надежда Мамаева

Спасти диплом, угнать дракона

Пролог

Год 9861-й от подписания межрасового мирного договора

Глава отдела безопасности сидел в своем кабинете. Его седая голова с наметившейся на темени плешью склонилась над документами. В камине пламя

обнимало поленья, а две сестры-луны, белые, точно начищенные серебряные тарелки, уже успели выкатиться на небо и взирали на мир с высоты.

Раздался резкий стук в дверь.

– Войдите. – Читавший оторвался от бумаг. На миг на его скулах проступил затейливый рисунок из тонких линий – признак крайнего недовольства. Но вязь тут же исчезла, уступив место выражению, присущему скорее ликам точеных каменных статуй, столь невозмутимо оно было.

Дверь распахнулась, и на пороге застыл офицер – еще совсем молодой альв с мертвенно-бледным лицом. Его щеку располосовал свежий шрам, на мундире виднелись следы крови и грязи.

– Канцлер Листат, магистр Элроу исчез. Его лаборатория взорвана, а записи уничтожены, – доложил он, силясь совладать с волнением.

– Подробности. И прекратить дамскую истерику, – отчеканил канцлер, вперив взгляд в офицера.

– Четверть часа назад в лаборатории магистра раздался взрыв, – стараясь говорить четко, начал альв. – Агенты наблюдения сразу же вызвали подмогу. Они не смогли прорваться через пламя. Оно явно было алхимическим. Его не удалось потушить до сих пор… – Молодой офицер сглотнул.

– Через полчаса жду полный доклад по всей форме. Свободны, – отрезал канцлер Листат, опуская руки на подлокотники кресла. А едва дверь закрылась, старый альв нахохлился, будто седой ворон, внимательно посмотрел на огонь и произнес: – Не уберегли…

И забарабанил пальцами по вычурно изогнутому подлокотнику, в то время как в его голове мысли сновали быстрее пульсаров.

Магистр Элроу накануне доложил, что его изыскания увенчались успехом. Он разработал формулу сыворотки, способной спасти сотни тысяч детей, остановить эпидемию. Остались лишь контрольные испытания и…

Открытие магистра было бесценным. Судя по всему, тот, кто организовал взрыв и уничтожил записи Элроу (и, вероятно, его самого), скоро объявит о стоимости формулы. Канцлер искренне надеялся, что объявит, иначе через сотню лет раса альвов может исчезнуть, как некогда исчезли драконы.

Глава 1

Год спустя

«Настоящая подруга – это та, которая готова вытащить тебя из любых неприятностей. Правда, при этом, скорее всего, сначала она же тебя в них и втянет», – именно так думала я, перепрыгивая лужи, которыми, словно тетрадь первоклашки кляксами, пестрела брусчатка.

Утром прошел дождь, и признаться, я ему даже слегка завидовала. Он-то никуда не спешил. Мерно прокапал, простучал по окнам и крышам, прошелестел по листве кленовых аллей и тихо удалился в предрассветный туман. А вот я, увы, такой неторопливой вольности была лишена.

Бежала. Торопилась. Боялась опоздать. Подол клетчатой юбки и белые чулки уже все были в брызгах. Туфли, закрытые, на удобном устойчивом каблуке, еще не промокли. Но чувствую, еще раз промахнусь – и в них точно захлюпает.

До портовой площади оставалось совсем немного. А времени и сил – еще меньше. В боку нещадно кололо, я хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Ну, Алекс, ну удружила! Между прочим, это к ней прибывал тот альв. Не ко мне. А сейчас, ранним утром, мчалась его встречать я.

Сказать, что за подобное я особенно рьяно «возлюбила» подругу (камедь ей в косметичку вместо пудры), – значит тактично промолчать. А я заскоками дворцового этикета не страдала и на бегу поминала ее отнюдь не добрым словом.

А все началось с того, что Алекс ни свет ни заря разбудила меня по кристаллу связи словами:

– Нари, ты должна мне помочь! – Четко и безапелляционно.

Такой она была всегда, с самого детства. Не терпела возражений. А если уж что-то вбила себе в голову… Ее капризы терпел даже отец. Хотя ему, отставному дознавателю, державшему в страхе целый департамент, и не суметь усмирить строптивый нрав одной девицы? Ан не смог. И никто не смог.

Я же никогда и не пыталась. Просто дружила с Алекс. Я смирилась с ее характером, а она – с моим, который был тоже тем еще подарком.

– Любовное зелье не сварю, а яды ты и сама неплохо готовишь, – сонно пробормотала я в кристалл, припомнив ей кексы, которые она неделю назад решила испечь.

– При чем тут зелья, Нари?! Мне помощь нужна… Встреть клоуна, который по обмену прибывает. У меня же братец вчера отправился на целый год в академию, что в землях альвов. А теперь я вроде как принимающая сторона и должна разместить у себя их студента.

В голосе Алекс клокотала злость. Интересно только, на кого: на дурня-братца, что так рвался изучить культуру не очень-то дружелюбных соседей, или на гостя, что свалился на ее голову. Хотя, скорее всего, на обоих.

С альвами у нашей империи отношения всегда были из разряда «чем шире улыбка соседа, тем большую гадость стоит ожидать». Оскалы были взаимными, как и пакости. Альвы пытались вмешиваться в наши дела, и не сказать, что совсем уж безуспешно. Агенты империи, в свою очередь, обеспечивали интересный внутриполитический досуг остроухим.

Прокалывались и наши разведчики, и шпионы альвов. Их обменивали, репортеры громко освещали эти события и… Все начиналось по новой. Но несколько лет назад, когда у нас к власти пришел правящий дом рода Рохаров, избранный Советом Тысячи, отношения с альвами и вовсе покрылись ледком. Нет, о непроницаемом пограничном барьере речи еще не шло, но слово «санкции» то и дело появлялось и в газетных листках, и в новостных зеркалах.

– Встреть того ушастого, – протянула в кристалл Алекс, выдернув меня из размышлений.

– А у самой ноги не дойдут? – съехидничала я.

– Мои ноги в это же время умчат меня совсем в другую сторону. Сегодня начинается продажа билетов на турнир по громобою!

– Так в чем проблема? Встретишь своего подселенца и иди покупать…

– Пока я с ним провожусь, ничего не останется. Трибуны с тентами за час разлетаются. А я не хочу сидеть где-нибудь на задворках.

Я помотала головой, прогоняя сон и уже понимая: не отвертеться. Заскоком этого сезона у Алекс были спортсмены. А точнее – игроки нашей сборной по громобою. Она отчего-то решила, что кто-то из шестерки сильнейших боевых магов должен стать ее парнем. Хорошо хоть сами спортсмены пока не в курсе, что один из них уже «счастливчик».

– А что мне за это будет? – принялась торговаться я.

Вместе с окончательным пробуждением во мне проснулся еще и практичный цверг. И не важно, что моя родословная до тридцатого колена – сплошь чистокровные люди. Дочерью подгорного народца я была по велению души и вопреки законам кровного родства.

– Куплю тебе билет на финальный турнир в первый ряд, – тут же жизнерадостно откликнулась Алекс.

– Угу. Уже бегу, падаю, спотыкаюсь и еще раз бегу встречать твоего альва! – Мой тон был столь же оптимистичен, как надгробная плита.

– Нари, ну чего тебе стоит? – пошла подруга на второй заход.

– Всего. И еще чуть-чуть, – не стала мелочиться я.

– Слушай, ты мне подруга или пестик от ступки?

– Пестик, – тут же согласилась я, малодушно понадеявшись, что Алекс после этого медленно, без резких движений уйдет подальше в туман и никто не пострадает.

– Если ты сходишь, я буду с тобой отрабатывать в оранжерее, – поклялась та.

«С козырей пошла», – мрачно подумала я и… согласилась. Идти одной в оранжерею отрабатывать неуд по магическим реликтам дико не хотелось.
И дело не в том, что там нужно было пересаживать мандрагору, которая так и норовила цапнуть за палец. С орущими корешками я бы справилась. А вот со смотрителем оранжереи эйром Гарбо… Престарелый сластолюбец таки норовил подсесть к молоденькой адептке и положить свою руку ей на коленку. Или ущипнуть за то место, откуда у оборотней хвост растет. А жаловаться на такого… Пробовали. Но против дяди ректора жалобы – как против дракона ковшик с водой. Абсолютно бесполезны.

Дочерей из правящих домов, которые тоже нет-нет да и попадали на отработку в оранжерею, эйр Гарбо отчего-то не «прищипывал». Видимо, в «пасынковании» благородные аристократки, как и королевские лилии, не нуждались.

В общем, на отработку в оранжерею я попадать в одиночку отнюдь не жаждала.

– Вот умеешь ты убеждать, Алекс, у тебя прямо талант дипломата, – выдохнула я. – Когда надо встречать твоего подселенца и где?

– Спасибо, Нари, – радостно завопила подруга так, что в ушах зазвенело. И, не удержавшись, поддразнила: – А в оранжерею я и так с тобой пошла бы, без всяких просьб.

– А я и так бы твоего альва встретила, без всяких «выгодных предложений», – парировала я столь же ехидно.

– Ну ты… Ты… – задохнулась от возмущения Алекс. – Да уж… Порою мне кажется, что я свою лучшую подругу совсем не знаю…

Лучшую? Да вообще единственную!

Алекс назвала адрес и время и тут же отключилась. А я… Я упала на подушки и, бездумно глядя в потолок, тихо произнесла:

– Тебе не кажется, Алекс, ты и вправду меня совсем не знаешь.

Рассвет еще кутался в рваные дождевые тучи, когда я покинула дом, в котором все спали. На втором этаже похрапывал дядюшка Моррис. Неугомонные рыжие кузены-близнецы дремали на чердаке. Кузина наверняка только недавно легла в постель и сейчас старалась совершить невозможное: выспаться и не опоздать на свою демонстрацию, которая начиналась в девять утра. Матеуш – вечный повеса и дядин дальний родственник – скорее всего и вовсе не пришел ночевать.

Потому я, стараясь не шуметь, спустилась с лестницы, глянула на разбросанные вещи и усмехнулась. Дядюшка был из тех людей, которые во всем любили порядок. Несколько своеобразный, но порядок. Например, эйр Моррис всегда ставил чашку на чайный след от предыдущей чашки. Чаще всего в нашем семействе слово «убраться» было синонимом слова «исчезнуть», а не «подмести пол и протереть пыль». Потому что именно в легком бардаке дядюшке, натуре творческой, с тонкой душевной организацией, было комфортнее всего созидать.

Хотя результаты того созидания… Неподготовленный зритель с шатким здоровьем, глядя на дядюшкины скульптуры, имел все шансы стать обладателем шикарного сердечного приступа. Но это мелочи, как утверждал дядюшка, ведь главное – приобщиться к прекрасному. А здоровье… Так лекари на что? Ну, на крайний случай – некроманты.

С его точкой зрения, что удивительно, соглашались. Особенно посетители его выставок, когда лично сталкивались с творцом шедевров. Хотя, может, причиной единства мнений зрителей и автора были габариты дядюшки. Могучему телу эйра Морриса позавидовали бы и борцы-тяжеловесы.

Но сейчас глава семейства Россов спал. А я, тихонько притворив дверь, выбежала на улицу. До портовой площади было неблизко. В такую рань общественные вагончики, движимые элементалями по монорельсу, еще не ходили, а ловить попутный магомобиль… Ну уж дудки. Этот альв не стоил того, чтобы тратить на него целых два форинта.

Поэтому я поправила сумку и припустила по улице. Миновала квартал Кристаллов, где царствовали журналисты и маги-искусники. Промчалась через район Голубой Ягоды, в котором находились библиотеки и парки. Скользнула взглядом по набережной. Там, с другой стороны реки, была улица Сиреневых Окон, а за ней – район Смогов, плавно перетекавший в провинциальный городок Зейн, что вплотную прилепился к столице.

Солнце уже купало первые лучи в неспешных водах Кейши, когда я, запыхавшаяся, влетела на площадь. Несмотря на ранний час, здесь было людно, орочно, цвергно и чуть-чуть вервольфно. Еще бы. Причаливали два небесных корабля. Сначала один ударил якорями о неровный, состоявший из выбоин и зубьев швартовый вал. Брусчатка под моими ногами дрогнула. Через пару минут грохнули якоря другого, вновь заставив задрожать мостовую. А потом раздался скрежет: железное брюхо опускающегося судна чуть задело боковое крыло уже приземлившегося.

Воздушные элементали, что вращали винты и надували паруса, убавили пыл, а затем и вовсе стихли, словно растворившись в легком утреннем ветерке, что гулял по площади.

Едва по трапу начали сходить пассажиры, я завертела головой, силясь разглядеть в толпе альва. Тщетно. Прибывшие гости столицы стаей рыбешек плыли мимо меня. Я с сомнением покосилась на листок с именем, которым размахивала. Может, имя написано неверно? Ну… С учетом того, что из всего языка альвов я знала только их алфавит и пару ругательств (благодаря приятелю-адепту с факультета высокой словесности весьма витиеватых!), это было вполне вероятно.

Время шло, толпа прибывших редела, и я начала волноваться. Неужели упустила? Повертела головой и увидела невдалеке скамейку для ожидающих. На мою удачу, та была пустой. Недолго думая я сняла туфли и белкой взлетела по подлокотнику на спинку, оказавшись выше толпы. Балансируя на выгнутом чугунном краю, который был не толще моего мизинца, я и увидела альва.

Высокий, уверенный в себе и каждом своем шаге, он… впечатлял. И напрочь не соответствовал тому образу, который я выстроила у себя в голове.

Моему воображаемому альву я уже приклеила ярлык «мальчик, где твоя юбочка». Не знаю почему. Может, потому что их раса казалась мне изнеженной, привыкшей опираться на ум, а не на силу, предпочитавшей дипломатические интриги открытому и однозначному ответу.

Глядя же на этого конкретного альва, как-то сразу вспоминалось, что он далекий потомок искусных кузнецов и воинов. И что в давние времена его раса стала заслоном между песчаными демонами и людьми. Ведь именно остроухие победили орду, которая оставляла после себя лишь тлен и пепел.

Бронзовая кожа, широкие плечи, поджарое, словно созданное из мышц и сухожилий тело, которое не могла скрыть льняная рубашка, – на миг показалось, что передо мной ожившая статуя легионера, отлитая из металла. Только меча-акинака да шлема не хватало. Нетипичный альв. Совсем. Единственное, что соответствовало классическому образу, – острые уши, унизанные колечками.

Альв, державший на одном пальце кожаную куртку, перекинутую через плечо, резко повернул голову. Наши взгляды встретились, и я замерла.

В моей жизни лишь однажды на меня смотрели так… внимательно и остро. Настолько остро, что, казалось, шевельнись – и порежешься о невидимую, натянутую до предела тонкую нить. А потом будут боль и отчаяние.

Но то был краткий миг, а затем взгляд зеленых глаз альва скользнул ниже, на листок бумаги с именем, который я держала одной рукой у груди. В другой у меня были туфли.

Его губы дрогнули в усмешке. А в следующую секунду я покачнулась и, потеряв равновесие, полетела вниз. В голове успела промелькнуть мысль: «Гадство! Спалилась!»

Падая, весьма болезненно ударилась бедром о спинку скамейки. Приземлилась на пятую точку так, что зубы клацнули. И то ли от столкновения с брусчаткой мозги встали на место, то ли испуг прошел, но я осознала: проколоться я нигде не могла. А значит – просто показалось. Поэтому сейчас стоит взять себя в руки или хотя бы для начала подняться на ноги. И пойти встречать этого наглого альва.

В том, что остроухий – очень наглый и невероятно самоуверенный, я отчего-то не сомневалась. Я встала, отряхнула запылившуюся юбку и обулась. Все же плохая идея была снимать туфли. Но воспитание не позволило встать на скамейку в грязной обуви. Следы же останутся. А потом кто-то на них обязательно сядет и испачкается. И вот результат. Испачкалась я. Причем вся.

Одна радость – теперь я точно знала, как выглядит тот, кого нужно встретить. Я заозиралась, ища альва. Но его не было.

Зато откуда-то появились репортеры, кричавшие на все лады: «Где же он?», «Был тут…», «Я видел Варлока», – и щелкавшие затворами магографических камер. Но, судя по досадливым воплям, вхолостую.

Спустя минуту над ухом раздался вкрадчивый баритон:

– Elsta Leirin? Moruy lo Virmar Norwood, or Vir.[1 - Госпожа Лейрин? Мое имя Вирмар Норвуд, или Вир.]

Я подняла взгляд и не сдержалась:

– Засада.

Через круглые стекла на меня смотрели внимательные серые глаза альва. Вот только была маленькая проблема. Это был не тот альв.

– Moruy lo Zasada?

«Ваше имя Засада?» я поняла и без словаря. Замотала головой, опровергая предположение ушастого.

– Найриша. – Я потыкала в себя пальцем для верности. А потом перевела палец на альва и вопросила: – Вирмар Норвуд?

Остроухий радостно закивал. Я внутренне выдохнула и улыбнулась в ответ. Как же я рада, что подселенец Алекс – вот этот милашка в очках. И не важно, что он темный альв. Не в плане магии, нет. Просто кожа его была смуглой, словно он все лето усиленно загорал под жарким южным солнцем. Поэтому, наверное,

и русые волосы казались чуть ли не пепельными.

Зато взгляд – нормальный. И на лице нет гримасы презрения. Репортеры, что стояли невдалеке, загалдели. Вирмар, покосившись на них через плечо, поправил ремень сумки и накинул на голову капюшон холщовой куртки. Та, несмотря на теплое утро, была застегнута на нем на все пуговицы.

– Значит, Вирмар, – задумчиво протянула я.

Мне еще раз радостно кивнули, подтверждая, что это так. А я критически осмотрела альва, прикидывая, как нам общаться. По идее у него должен быть амулет-переводчик. Но, судя по тому, что я ни демона не понимаю, либо сея полезная вещица у гостя просто не активирована, либо вообще отсутствует, и тогда он идиот.

Ну кто, спрашивается, сунется в чужие земли, не имея под рукой транслингвы? Правильно, только особо одаренный ушастый! «Особо одаренный» все так же продолжал стоять и скалиться, будто рекламируя клинику дантиста.

За нашей спиной кто-то из репортеров громко крикнул:

– Элвис, я его вижу! Он уходит! За мной!

И дружная журналистская братия рванула к площадке с наемными магомобилями.

– Чего это они? – скорее размышляя вслух, нежели спрашивая у альва, пробормотала я.

Блондин проследил за моим взглядом и недоуменно пожал плечами. В это время как раз отставший магограф, подхватив свою треногу с камерой, скрылся в толпе.

Непременно вечером гляну новостные листки. Любопытно, что за важная птица сегодня пожаловала в столицу. Я еще раз посмотрела на альва, думая, как решить лингвистическую проблему. А потом просто молча махнула ему рукой в жесте «следуй за мной» и устремилась сквозь толпу. Раз это подселенец Алекс,

то пусть она с ним и ведет беседы, а я доставлю его до подруги, и все. Баста.

Как только мы вышли с площади, передо мной встал вопрос: все же раскошелиться на наемный магомобиль или добираться пешком? С учетом того, что Алекс жила намного дальше от площади, чем я…. В общем, мне стало жаль мои ноги. Исключительно мои, а не этой белобрысой каланчи, которая пыталась сутулиться то ли из деликатности (чтобы казаться чуть ниже, потому что я – кнопка), то ли под тяжестью своей небольшой сумки.

Зазывалы-водители улыбались, размахивали руками и приглашали к себе, тут же отпугивая ценами. Может, для богатого заграничного гостя цена в пять форинтов (кстати, половина моей стипендии!) и была неудивительна, но я, прожившая в столице вот уже двенадцать лет, поразилась такой наглости.

А небо над головой между тем решило внести свои коррективы. Еще когда я встречала альва на площади, голубую лазурь начали затягивать тучи. Сейчас же на нас сверху и вовсе закапал дождь. М-да, утро сегодня и так из-за звонка Алекс было отвратным, а теперь и погода на исходе лета сдуру начала строить из себя весну. Интересно, что дальше. Единственный выходной решит закосить под первый день рабочей недели? Я внимательно вгляделась в серое небо, с надеждой высматривая просветы. Но увы… Убедившись, что с двумя форинтами таки придется расстаться, я выбрала себе жертву – улыбчивого водителя рядом со стареньким магомобилем. Тот, приметив, что мы направляемся к нему, обрадовался, раскинул руки, точно увидел богатого родственника при смерти. Правда, спустя пару минут торгов он уже не улыбался, а я стала обладательницей пожелания «чтоб тебя, ведьма, демоны в преисподней полюбили» и… скидки в форинт за проезд.

Сев в магомобиль, мы помчались по улицам. Мимо квартала Брокеров и района Антикваров, по мосту через Кейшу и дальше по проспекту. А потом свернули на улицу Сломанного Клыка. Вообще-то официально она носила имя героя битвы трех империй – генерала Альрика Лорринга. Но в свое время прославленный воин носил еще и прозвище. Не столь благозвучное, зато прижившееся в народе.

Свернув с улицы Сломанного Клыка на Ясеневую, магомобиль подрулил к знакомому особняку и остановился. Заплатив по приезду ровно форинт, я уже было выбралась наружу, когда заметила, что альв, сидевший на манер складного зонта – поджав колени к подбородку, вдруг закопошился.

– Ты чего? – спросила я и только потом сообразила: не поймет.

Но этот… аристократнутый на всю голову, не иначе, протянул водителю целый форинт со словами:

– Ona tati[2 - На чай.].

– Спасибо, – просиял водитель, из которого я четверть часа назад, по его же заверениям, выпила всю кровь. Причем торг за несчастный золотой вышел знатным.

Захотелось побиться головой о стену, но ее рядом не было. Зато имелся альв. А об него биться не хотелось. Хотелось лишь его прибить. Лопатой. По голове. А потом ею же и закопать по-тихому.

Утешало лишь то, что сейчас я его сдам и забуду. Причем сделаю это быстро, навсегда и с превеликим удовольствием.

Я поднялась по лестнице на крыльцо и уверенно вдавила латунную кнопку звонка. Из-за резной дубовой двери раздалась мелодичная трель. Но едва она смолкла, наступила тишина. Я переступила с ноги на ногу. Глянула через плечо на альва, который с любопытством изучал кусты роз на клумбе.

Почему никто не открывает?! Демон! Сегодня же выходной! Значит, экономка, что служила в семье Алекс, наверняка ушла. А горничная и кухарка приходят в дом Лейринов лишь в первый, третий и пятый день недели. Стало быть, слуг в престижном особняке, который располагался на столь же престижной Ясеневой улице, сейчас нет.

Я с маниакальным упорством нажала еще раз на дверной звонок. Результат – ноль целых фиг десятых.

С силой ударила костяшками о дверь. Может, хоть так услышат? Но ни эйр Лейрин, ни эйра Лейрин, ни Алекс не поспешили к двери.

Я запустила руку в сумку, нашарила кристалл связи и подвесила его перед собой на нити. Раскрутила его на манер веретена, отсчитывая обороты. Пять по

часовой стрелке, потом остановить. Затем три против часовой.

Отсчитав нужное число оборотов, я приготовилась ждать. По овальному кристаллу пробегали всполохи зеленого цвета, подтверждая, что связь установлена. Наконец переговорник вспыхнул чуть сильнее, и на расстоянии ладони от кристалла в воздухе появилось миниатюрное изображение лица Алекс. Почему-то с раздутой щекой и на фоне вывески «Утоли мои печали. Врачевальня эйра Мора».

– Что случилось? – удивилась я, разглядывая подругу, которая была сама на себя не похожа.

Жгучая брюнетка Алекс всегда выглядела как актриса, только что сошедшая с подиума. Прическа, макияж, высокие каблуки и модная одежда. А еще – тонна высокомерия и снобизма для всех, кто не входил в ее ближний круг. Она гордилась в этой жизни тремя вещами: своей красотой, своими деньгами и своей родословной. И не сказать, что совсем уж безосновательно.

На фоне Алекс я была тенью… В свое время поэтому я предпочла дружбу именно с ней. Как говорится, лучше всего темные пятна прятать на солнце. В моем случае – рядом с ним. С Алекс, которая всегда сияла и ослепляла.

Я мысленно вернулась туда, на двенадцать лет назад.

Дядюшка Моррис не был мне родным. Скажу даже больше: двенадцать лет назад он и представить себе не мог, что у него появится приемная племянница, но… Однажды утром на его пороге нарисовалась девчушка лет десяти. Две светлые косички, невысокий рост и линялое платье – такой меня впервые увидел эйр Росс.

– Моррис Росс? – произнесла я вместо приветствия трясущимися губами.

Могучий мужчина озадаченно кивнул, уставившись на меня. А я… Я юркнула мимо него и помчалась вглубь дома под возмущенный вопль.

Входная дверь с грохотом захлопнулась, и за спиной послышались шаги. Меня же в тот момент вовсе не волновало, что подумает, скажет или сделает хозяин

дома. Главное, что в гостиной, куда я вбежала, не было никого.

Я засунула два пальца в рот, вызывая рвоту. Меня стошнило прямо на ковер. Как раз под ноги Моррису. Он уже набрал воздуха в грудь, чтобы наверняка разразиться гневной тирадой, когда увидел, как я проворно наклонилась и выудила из жидкой слизи знак. Кристалл размером с горошину, оплетенный паутиной серебряных нитей.

– Что с Эбигейл? – были единственные слова Морриса, который в один миг стал белым как полотно.

– Мама умерла. – Я сглотнула горечь, которая разливалась во рту. С силой сжала кулаки, так что на коже отпечатались полумесяцы ногтей, и добавила: – Она сказала, что вы поможете.

Дядя Моррис действительно помог. Он принял меня в свою семью, дал свою фамилию, никому и словом не обмолвившись, что я чужая. Для всех, даже домочадцев, я была дочерью его старшей сестры, когда-то уехавшей чуть ли не на побережье Северного моря. Племянницей. И точка.

О том, что было до этого, я помню смутно. Знаю точно лишь одно: мама умерла от банальной красной гнили. Эта болезнь убивала магов за считаные часы. Мне тогда повезло, что я не шагнула в мир отражений, не успела еще поймать свой дар и была обычным человеком.

Стучась в закрытую дверь двенадцать лет назад, я не знала, что связывало мою маму и Морриса. Лишь спустя время изрядно пьяный дядя обмолвился, что еще, будучи студентом, полюбил Эби больше жизни, но она лишь позволила ее любить.

Вот так и вскрылось, что я – дочь его бывшей любовницы и во мне не текло ни капли крови Морриса.

Но дядя был удивительным человеком: талантливым, чудаковатым, вспыльчивым, но отходчивым. А еще добрым и бескорыстным. Именно этим в свое время и воспользовались четыре его бывшие жены. Первая, уйдя от Морриса, оставила ему близнецов Чейза и Генри – пепельных блондинов с ангельской внешностью и дьявольским характером. Вторая – общую дочку

Тайти. Малышке тогда не было и года. Третья супруга ничего не оставила, зато прихватила все накопления Морриса. А их, между прочим, хватило бы на целый домик в квартале Брокеров.

Четвертая… Думаю, четвертая жена просто решила не нарушать сложившихся в семействе Россов традиций и, уходя, громко хлопнула дверью, оставив в доме дяди… свое фамильное привидение. К слову, последнее было жутко против такого произвола, но вогнанная в косяк заговоренная щепка, к которой и был заякорен призрак, не дала полупрозрачному последовать за своей беспутной праправнучкой.

Слова Алекс выдернули меня из воспоминаний.

– Случилось то, что мне какая-то мозглячка умудрилась вывихнуть челюсть. Сейчас я с мамой в лечебнице, а жандарм оформляет на меня протокол: та девица оказалась дочкой какой-то шишки и потребовала, чтобы завели дело.

– Жандарм что, смертник, чтобы дело заводить? – искренне удивилась я. Отец Алекс был главой отдела имперской безопасности. – К тому же вроде бы как тебе положено жаловаться, ты же пострадавшая!

Логика происходящего ускользала от меня, а сачка, чтобы ее поймать, под рукой не имелось.

– Ну, я ее тоже слегка… потрепала, – фыркнула Алекс и тут же скривилась от боли в недавно залеченной челюсти.

М-да… «Слегка» в исполнении Алекс могло означать все что угодно. Так что я даже прикинула, кто «пострадавшей дочке какой-то шишки» сейчас нужнее: лекарь или некромант.

– Зато я два билета достала на всю серию игр. Центральная трибуна. Лучшие места. Сражения будут видны как на ладони.

Нет, Алекс, по-моему, даже могильная плита не исправит. Она из-под нее самовыкопается и дальше попрет к намеченной цели, даже не заметив, что стала трупом.

– А когда ты своего альва забирать будешь?

– Ой-е! Дохлый гоблин! – скривилась подруга. А потом на ее лице появилось столь невинное и трогательное выражение, что стало ясно: сейчас будут просьбы или капризы. Возможно, даже ультиматум. Я не ошиблась. Алекс протянула: – Нари, возьми его к себе, а? Ну чего тебе стоит? Лекарь сказал, что нужно еще несколько заклинаний наложить и два компресса, чтобы к вечеру у меня на лице следов не осталось. Я тут точно еще долго проторчу.

Тот, кого подруга сейчас пристраивала ко мне на передержку, оторвался от созерцания клумбы и заинтересованно уставился на меня.

Да уж… За нашу многолетнюю дружбу Алекс оставляла у меня «на время, пока мама не перестанет истерить» котенка (горной саблезубой кошки), щенков (волкодава), ночную гарпию с наклонностями самоубийцы и кучу всего по мелочи. И каждый раз это сопровождалось фразой: «Только на один вечер, пока я все улажу…» К слову, свое обещание она держала и забирала зверье. Правда, часто не на следующий день, а через неделю-другую. Но забирала же. Но вот альв на передержке… Такое точно впервые.

– Пристрой его у себя пока, хорошо? – умоляюще сложила ладошки Алекс.

– Но только до вечера, – твердо заявила я.

– Обещаю, – тут же просияла она. Ну-ну. Так я ей и поверила. – Нари, ты чудо.

– Я не чудо, а доверчивая и мягкая, а ты этим пользуешься, – возразила я из чувства противоречия.

– Ага, – довольно заявила Алекс. – Только твоей мягкостью алмазы колоть можно. Уж я-то знаю. – И на этом оптимистичном заявлении Алекс отключилась.

Что ж… Сегодняшний выходной показал мне не совсем приличный жест. А я так хотела сходить в парк, подышать ароматом свежего кофе и умопомрачительным запахом только что испеченных булочек с корицей… Я вздохнула и махнула рукой альву, который так и стоял рядом с клумбами.

– Пошли.

Удостоилась недоуменного взгляда и кивка на дверь. Ну вот как ему сказать, что нам здесь рады, но чуть-чуть попозже?

Хотя… Этот Вирмар наверняка же думает, что я и есть та, у которой он должен поселиться. И с его точки зрения, я веду себя весьма странно. Привезла. Стучалась в собственную дверь, потом звонила какой-то девице и под конец развернулась, чтобы топать куда-то дальше. Но с другой стороны – его проблемы. Озаботился бы переговорником, а не таращился на меня, как дятел на железное дерево.

Я бочком еле-еле протиснулась мимо озадаченного альва. Мало того что высокий, паразит, так еще ни разу не компактный: занял собой почти всю ширину дорожки, что вела от тротуара к крыльцу дома.

Обогнув Вира, я неспешно двинулась вниз по улице. Махнула рукой, приглашая за собой.

Альв, с недоумением оглянувшись на дом, все же пошел за мной следом. Спустя час, пять кварталов, сломанный каблук и три пожелания водителям сбить в спокойную лунную ночь рядом с погостом упыря (ибо штраф за причинение вреда последнему – максимальный из возможных) мы добрались до моего дома.

По сравнению с резиденцией Алекс, двухэтажный домишко, поделенный между пятью семьями, смотрелся халупой. Двор был всего несколько ярдов шириной. Обшарпанное крыльцо, давно не крашенная дверь… Да, дядя был известным скульптором, но, увы, талантом счетовода небеса его обделили. Потому у нас частенько чередовались периоды «деликатесы из ресторации» и «окажите гуманитарную помощь корочкой хлеба».

Альв, посмотрев на потрескавшуюся штукатурку на стене, на подштанники и нижние юбки, гордо реявшие на веревке в соседнем дворике, на выглянувшее в окно фамильное привидение, как-то слегка приуныл.

Я кивнула на дом и сама подала пример, уверенно устремившись ко входу. Вот только и тут удача показала мне дулю. Дверь была заперта. Но если у двери Алекс я деликатно жала на звонок, то здесь…

Развернулась и что есть силы ударила несколько раз пяткой в дверь. Раздался характерный звук и… В общем, мои почти новенькие туфли стали одинаковыми: обе со сломанными каблуками. Впрочем, расстраиваться по этому поводу времени не было, я проворно отскочила в сторону. Как раз вовремя. Поскольку именно на то место, где я секунду назад яростно пыталась дозваться домашних, выплеснулась вода.

– Убирайтесь прочь! – донесся следом из окна второго этажа фальцет кузины Тай. – А то я жандармов вызову! Вам же сказали, что эйр Матеуш еще утром уехал из города!

А потом в окне возникло и лицо двоюродной сестрички.

– Ой, Нари, это ты! А я думала, к Матеушу опять та ненормальная вернулась… – виновато протянула она.

Дальний родственник дяди Морриса Матеуш был заядлым холостяком и дамским угодником, не чурающимся подарков от своих пассий. Одним из презентов был наглый рыжий кот, имевший такую родословную, которой позавидовали бы многие аристократы. От этого и шли все беды: наш порог регулярно обивали кошатницы даже не с просьбой, а с требованием ночи любви. Хорошо еще, что для своих питомиц. Вот и сегодня, судя по всему, утром к нам ломилась одна такая.

Проблема таких нежелательных визитов, как по мне, решалась весьма просто, одним движением скальпеля. Но Матеуш и слышать не хотел о кастрации своего любимца, а мужская часть нашего семейства отчего-то была с ним солидарна, проявив завидное единодушие. В итоге по весне мы слушали по вечерам рев наглой рыжей морды, а по утрам – вой и стуки кошатниц под окнами.

Между тем из недр дома раздался дробный стук, затем в замке проскрежетал ключ, и, наконец, дверь открылась. На пороге стояла младшенькая.
Я усмехнулась, бросив взгляд на сестричку, облаченную в ярко-розовое платье, которое было украшено рисунками из черепов.

Двух более разных по внешности «кузин», чем мы с ней, трудно было найти. Тай, яркая брюнетка, расцелованная солнцем до бронзы, с уже начавшими

проявляться округлыми формами, была порою сама непосредственность. Несмотря на то что нас разделяла разница в семь лет, по росту мы с ней давно сровнялись.

Я же, светловолосая, сероглазая, тощая, как щепка, пряталась в мешковатых платьях. Вот только характер, увы, под нарядом скрыть было тяжело. И если для большинства я была тихой серой мышкой, то домочадцы знали, что в моем случае внешность не просто умалчивает и слегка обманывает. Она нагло врет прямо в глаза.

Младшенькая вдруг переменилась в лице, вытаращившись куда-то за мою спину.

– А это альв, – вспомнила я. – Он у нас временно побудет, пока Алекс его не заберет, – пояснила я и спросила у Тайти: – Слушай, а ты, случаем, не знаешь, как на дивном языке будет «проходите, располагайтесь»? А то я в академии наречие цвергов изучала…

– Сейчас узнаю. – Тай развернулась и помчалась по лестнице с криком: – Генри, просыпайся! А если не встанешь, я сама тебя подниму! – Юная некромантка, недавно поймавшая свой дар, выражалась отнюдь не фигурально. – Мне срочно у тебя нужно кое-что спросить…

Так и не узнав, как будет звучать перевод приглашения, я просто повернулась к альву, раскинула руки в стороны и продекламировала:

– Добро пожаловать в дурдом. Тебе здесь не рады, но куда деваться.

Ну а какая разница, что говорить, если тебя все равно не понимают? Главное, делать это с чувством. Я делала это с очень большим чувством. Так, что альв разулыбался мне в ответ.

Солнце, шпионом прошмыгнувшее в гостиную, запуталось в кружеве занавесок, отразившись от пепельно-русой макушки гостя. В этот момент Вир показался мне даже симпатичным. Несмотря на заостренные уши, вязь рисунка на скулах и вообще всю свою альвовость.

Он с интересом разглядывал маленькую комнатку. А потом его взгляд остановился в углу. Там, где стояла одна из дядиных статуй. Я на миг замерла, лихорадочно вспоминая, где у нас лежит успокоительная настойка и что я знаю об оказании первой психологической помощи альвам. Поскольку скульптурное изображение «единорог, пронзающий рогом деву, у которой вместо ног были паучьи лапы, а вместо рук – щупальца осьминога» пугало до дрожи и бывалых гостей.

Особенно когда те заявлялись с визитом посреди ночи и натыкались взглядом на композицию, подсвеченную нашим привидением. Йоко, призрак, доставшийся в наследство от четвертой жены, при жизни был троллем, не иначе. Ибо только у этой расы специфическое чувство юмора. Посему гипсовые монстры не просто тускло мерцали мертвенным светом. Нет. Тени за ними еще двигались, отчего конь с девой оживали. Хотя, признаю, в этом был и свой плюс: Йоко таким образом излечил с дюжину дядиных друзей от пагубной страсти к спиртному. Правда, взамен те обзавелись новой – к успокоительным пилюлям. А еще нервным тиком и ранней сединой. Некоторые даже женились с перепугу, но главное – пить же перестали!

Я быстро оценила обстановку, прикинула рост альва и отодвинула стул, чтоб при падении не расшиб голову.

– Можешь кричать, – милостиво разрешила я. – И падать.

Но… время шло, а звука не было. Хотя нет, вру. Был. Восхищенный вздох.

– Eir Ross? – с каким-то недоверием и даже… благоговением протянул Вир, произнося имя дяди на иностранный манер: смягчая первую гласную и усиленно, как змея, шипя удвоенное окончание.

Я печально кивнула.

Тут на лестнице послышались шаги. Уверенно, как буйвол, стремящийся на водопой, топала Тайти. А следом за ней, неохотно переставляя длинные ноги, тащился сонный Генри.

Спустя несколько секунд эти двое оказались в гостиной. Младший близнец отчаянно зевал, был помят и имел впечатляющий засос на шее. Но Тай это

ничуть не смутило. Она ударила его по спине, словно выбивала пыльный коврик, изгоняя из оного грязь, а заодно и моль… в смысле, зевоту. А потом с гордостью объявила:

– Генри, переводи!

Все взгляды сошлись на близнеце. Мой – недоуменный, поскольку я прекрасно знала, что оба близнеца-кузена в языке альвов сильны так же, как я в езде на драконах. Тай – полный надежды. Вир – заинтересованный.

Глава 2

Только что разбуженный блондин обвел нас взглядом закоренелого зомби и хриплым спросонья голосом спросил у младшенькой:

– Тай, ну почему я? Неужели с утра пораньше нельзя было помучить других? Чейза, например?

– Нет. – Кузина отрицательно замотала головой, отчего ее темные кудряшки стали напоминать беснующиеся пружинки. – Я уже выбрала тебя.

– Ы-ы-ы, – взвыл близнец от выверта девичьей логики.

– К тому же ты вчера бегал на свидание к Крунхельм, а эта дриада почти не говорит на едином имперском, так что у тебя наверняка есть переводчик…

– Для того, чем мы занимались, знать язык не обяз… – фыркнул Генри и осекся, проглотив окончание. Потом разозлился то ли на себя, то ли на пронырливую младшенькую. Махнул рукой и стащил с шеи шнурок, на котором болталась пластина. – Держи, пиявка!

– Не пиявка, а будущая некромантка, – возразила Тай, чтобы оставить последнее слово за собой, и величественно удалилась на второй этаж.

А я, глядя на младшенькую, начала понимать, как некроманты поднимают трупы из могил. Они просто умеют достать до печенок даже мертвых. Поэтому погребенные восстают из склепов хотя бы ради того, чтобы от них наконец-то отстали.

Впрочем, размышления не помешали мне забрать у близнеца подвешенную на шнурке бирюльку.

– Генри, ты герой и спаситель. И вообще мой добрый фей!

Кузен от такой похвалы скривился.

– Знаешь, Нари, говорить комплименты – явно не твое. Давай уж по старинке – искренние гадости. А еще лучше молчи.

– Знаешь, Генри, порою молчать очень вредно для жизни и здоровья, – в точности скопировав тон кузена, ответила я. – Ведь можно столько намолчать, что потом рот будет открыть опасно. Так что смирись. Сегодня ты мое чудо!

Чудо, злое, всклокоченное, утопало наверх досыпать, бросив на прощанье, что вечером заберет амулет. И не приведи двуединая сила, если с тем что-нибудь случится.

Я усмехнулась и протянула пластину альву, который весь разговор вертел головой, силясь понять: что такое вообще происходит?

На моей раскрытой ладони поблескивал переговорник, но гость отчего-то не спешил его принять. Нет, я, конечно, могла и сама примерить амулет. Но лучше, чтобы Вира понимали все вокруг, а не одна я.

Я чуть вытянула ладонь вперед, поясняя для одного непонятливого, что переговорник теперь его. Именно в этот момент альв протянул свою руку. Кожа скользнула по коже, и его пальцы оказались на моем запястье, на долю секунды обхватив его на удивление крепко и… нежно.

Всего мгновение, и Вир убрал руку, словно и не прикасался ко мне. Но ощущение, что его прохладные чуткие пальцы все еще на моем запястье,

осталось. И долго не исчезало.

Вир между тем забрал переговорник, надел его на шею и, подержав в руке, согрел своим теплом, активируя.

– Спа-си-бо… – первое, что я услышала от Вира на едином имперском. Звучание было такое, словно шестеренки скрипели. Но этим все недорогие переговорные амулеты грешат.

– Не обольщайся. Кузен дал его тебе до вечера. Так что советую обзавестись до захода солнца своим.

– У… меня… был, – делая паузы между словами, чтобы амулет мог перевести, произнес альв. – Он… сломался… при… посадке.

Вир проворно начал рыться в своей сумке и спустя минуту извлек из нее пластинку. Вернее, то, что от нее осталось. В отличие от переговорника Генри у остроухого тот был в виде хрустальной пластинки, а значит, и речь воспроизводить должен был лучше. Но этого я уже не узнаю.

– Может быть, чаю с бутербродами? – поинтересовалась я.

А что, с набитым ртом мужчина переносит новости лучше, а возражает меньше.

– Не отказался бы, – просиял гость.

Я устремилась на кухню, искренне надеясь, что у нас найдется чем перекусить. Увы. Из «чем перекусить» в наличии оказался лишь кусок медного провода, невесть кем и зачем оставленный в холодильном ларе.

Зато под столом гордо стояли несколько пустых бутылок дядиного вдохновения. Я с запозданием вспомнила, что вчера у нас были гости. То ли декораторы, то ли художники… А какой художник без пол-лит… хм… палитры. Ну вот, судя по всему, гости и раскрасили свою жизнь как могли. А заодно сожрали все. Даже горчицу и чеснок. И заварку. Заварки было особенно жалко.

Оторвав взгляд от созерцания проволоки, я развернулась к альву и проникновенно спросила:

– Вир, а как насчет того, чтобы перед чаем познакомиться с нашими человеческими традициями?

– Я был бы рад, – белозубо улыбнулся альв, не ожидая подвоха.

– Первая наша традиция – поход на рынок! – И с этими словами я торжественно вручила ему корзину. Думаю, последнего форинта в моем кошельке как раз должно хватить на продукты.

Вир улыбнулся уже как-то неуверенно. Когда мы вернулись в гостиную, альв спросил, откуда в нашем доме скульптура самого Морриса Росса.

– Мне она тоже не нравится, – прищурилась я, а потом спросила с надеждой: – А можно тебя попросить ее разбить. А?

– Зачем? – не понял альв.

– Просто я и остальные домочадцы дали дяде клятву, что и пальцем ее не тронем. Даже привидение дало. И друзья кузенов. И мои подруги, – добавила я, вспомнив, как Алекс пару лет назад, когда единорог и дева появились в нашем доме, попыталась мне «помочь» и была застукана творцом. – Признаться, мы все ее терпеть не можем. Но и нарушить клятвы – тоже. А вот если какой-нибудь гость… ну чисто случайно… столкнет ее с постамента… – тонко намекнула я.

Увы. Мне попался очень недогадливый альв. Вот совсем.

– Зачем? – изумленно спросил он. – Ведь статуя наверняка стоит немалых денег.

– Шесть медяшек, – отчеканила я и, поймав изумленный взгляд серых глаз, пояснила: – Ровно во столько обошелся мешок гипса, который дядя и угрохал на скульптуру. А ведь мы им хотели дыру в стене замазать.

– Дядей? – по-вороньи склонив голову, уточнил альв.

– Гипсом, – фыркнула я, ища среди обуви замену туфлям, которые сегодня остались без каблуков.

Глянула на шеренгу обуви и поняла: никудышная я эйра. Ведь приличные девушки обычно озабочены вопросом «что надеть», а я же – «что спереть». На моих сапогах подметки тоже просили каши, а шлепать в розовых домашних тапочках по улице я была еще морально не готова. Потому после недолгой переклички с Тай, с которой у нас почти один размер, я взяла модные черные босоножки кузины.

Спустя полчаса весьма пожалела о розовых тапочках: обувь Тай оказалась все же великовата и нещадно натирала. Но я мужественно ковыляла к рынку. Альв шел за мной и, могла поспорить на свою любимую реторту, усмехался.

На полпути Вир обогнал меня и, поправив очки, совершенно вульгарно, не по-альвовски, ткнул пальцем в здание мэрии:

– А что означает этот герб?

Я глянула на городскую «гордость позора» и просветила гостя столицы, что означает та неведомая дребедень с отгрызанной головой в зубах.

Пять веков назад, когда у власти был дом Нотринов, границы резко расширились. И, дабы укрепить рубежи, было принято решение перенести столицу южнее. Ею и стал наш город. Вот тогда-то с гербом города и случилась неприятность. Изначально на нем изображался барс, державший в зубах хорька. На местном диалекте «барс» звучал как «бабр». В то время на должность главного геральдика империи пришел граф Эргольцер, к слову, цверг, который решил провести реформу и наследи… хм… оставить свой след в истории: исправить накопившиеся геральдические казусы.

Первой же ошибкой стало описание нашего герба. Граф, не ведавший диалекта, посчитал слово «бабр» ошибкой писаря и ничтоже сумняшеся исправил в свитке на «бобр». И вышло: «бегущего черного бобра, держащего в зубах хоря».
В таком виде указ и утвердили. А художники, видимо, близкие моему дяде по духу, даже не удивились хищному бобру. В итоге барсу был пририсован хвост бобра и лапы с перепонками. А хорь сменился харей, точнее – оттяпанной головой. Со временем горожане свыклись с гербом и уже никого (кроме

приезжего альва) не смущал вид укуренного барсобобра-людоеда.

– Ты шутишь? – не поверил Вир. Он даже обогнал меня и развернулся спиной вперед, чтобы смотреть мне прямо в лицо.

– Исторически достоверный факт. Зуб даю.

– Свой? – тут же уточнил этот зануда.

– Слушай, ты дотошный прямо как дознаватель, – прищурилась я, делая по инерции шаг вперед.

Альву же именно в этот момент приспичило затормозить. Отчего я врезалась в мужскую грудь, оказавшуюся на удивление твердой.

Назад мы оба отступили одновременно.

– Ты чего? – Я удивленно вскинула голову.

– Извини, засмотрелся на герб, – хитро улыбнулся Вир и кивнул на здание мэрии, оставшееся позади.

Я оглянулась. А когда повернула голову обратно, остроухий уже успел очутиться рядом, едва ли не под локоток меня держал.

– Пойдем? – спросил он.

– Пойдем, – согласилась я, печенкой чуя, что сейчас меня виртуозно провели. Вот только в чем? Ошибиться я не могла: слишком часто сама проворачивала подобное.

До рынка добрались бы гораздо быстрее, если бы не демонские босоножки Тай. Но когда мы оказались в торговых рядах, о боли в ногах я забыла. Не иначе сработал безусловный женский рефлекс: когда речь заходит о покупках, то о такой мелочи, как стертые пятки, не вспоминаешь.

Рыночная площадь столичного Эйла была местом примечательным. О ней ходило много легенд. Едва ли не больше, чем обо всех иных достопримечательностях города, вместе взятых. А уж купить тут можно было абсолютно все. От пучка петрушки до контрабандного звездного порошка. Подозреваю, что если хорошо поискать, здесь можно было даже коготь дракона достать. Главное – знать места и тарийский язык.

Но сегодня все было намного проще: купить продуктов. Вот только отчего-то между торговых рядов было столь мало покупателей, что даже рождалось подспудное чувство вины. Торговцы так старательно нахваливали свой товар, так призывно взирали на нас… В общем, делали все, чтобы мне хотелось купить именно у них и побольше, побольше.

Я взяла капусты (давно хотела сварить суп-капустник), зелени (полезно и опять же недорого), помидоров (они сейчас, на исходе лета, самые вкусные), репы (сама не знаю зачем, под руку попалась), яблок (компот из них – моя слабость), грибочков (зажарю – м-м-м). Потом нос учуял запах свежего хлеба. Еще вспомнила, что дома нет даже соли. Добавила в корзину и ее. Не смогла удержаться от кусочка сыра и кругляша колбаски. Фунт парной телятины, услужливо завернутый торговцем в пергамент, и вовсе оказался среди покупок словно сам по себе.

Вир мужественно тащил за мной доверху наполненную корзину и молчал. Последнее особо ценно. С Генри или Чейзом уже через десять минут уши в трубочку начинали сворачиваться. «Давай быстрее», «ну, пошли уже», «чего ты так копаешься…» – близнецы брюзжали, как старики. Причем одинаково. Несмотря на то что я с ними за продуктами ходила по очереди.

Слушая стенания Чейза и Генри, хотелось плюнуть на этих «прынцесс», отобрать корзину и тащить ее самой. Но я всегда молчала. Из принципа. Ну а что? Если страдать, то всем и сразу. Мне – от причитаний кузенов, им – от тяжести ноши.

Альв безропотно нес корзину, весившую изрядно, но по его виду было незаметно, чтобы он вообще напрягался. Мы вышли из торговых рядов с другой стороны рынка, как раз у фонтана «Последний дракон». Я заспешила к бортику, чтобы на нем передохнуть. Вылетевший шальным пульсаром из-за угла прохожий со всей дури врезался в меня, я взмахнула руками, теряя равновесие.

Мир крутанулся, колено впечаталось в брусчатку, и я, летя навстречу мостовой, уже приготовилась ощутить, как нос и щеку обожжет боль. Но нет. Мое лицо застыло в нескольких дюймах над грязным камнем.

Вир успел в последний момент схватить меня за платье. И только я выдохнула, как ткань затрещала.

Мостовую я все же поцеловала. Правда, падение вышло мягким. А страдания были преимущественно моральными: мое лучшее платье!

– Ты как? – участливо поинтересовались сверху.

– Жива, – предельно честно ответила я, одновременно пытаясь оценить, насколько невредима.

Я уперла руки в мостовую и обернулась. Снизу обзор получался так себе, но я все же узрела Вира, который в одной руке держал лоскут от моего платья, а в другой – корзину… Хозяйственный какой!

Альв тут же спрятал лоскут в карман и попытался сделать вид, что вовсе ничего и не было. То бишь нацепил на себя абсолютно невозмутимое выражение лица и галантно протянул руку, помогая подняться.

Я от помощи не отказалась. Впрочем, едва распрямилась, охнула от боли. К стертым ногам добавилась сбитая коленка, которая немилосердно саднила.

И тут я почувствовала, как сильные руки подхватили меня и пронесли злополучные, оставшиеся пару ярдов до бортика. Причем корзина легко болталась рядом со мной на сгибе локтя альва.

Меня посадили на мраморный край чаши фонтана, в которой лазурью переливалась вода, играя бликами на солнце. А по кругу, у самого подножия статуи крылатого ящера, плясали языки пламени. Красиво, величественно и, на мой взгляд, слишком монументально. Дракон был высотой с трехэтажный дом. Да и места сам фонтан занимал изрядно.

– Демоновы босоножки… – тихо буркнула я. – Еще и ноги стерла.

Но, как оказалось, недостаточно тихо. Вир услышал.

– Так зачем ты надела их? – удивился он и поспешно добавил: – Ты в них, конечно, красивая, и они тебе идут, но зачем так истязать себя?

«Красивая», «идут». Как альв, однако, тонко намекнул, что я недалекого ума. Вот только знал бы он, что это не ради красоты, а потому как банально другой пары не было.

Я секунду колебалась: сказать правду или сохранить гордость. Но… Если он еще не понял, то все равно скоро поймет, что с финансами у нас туговато. Несмотря на известную во всей империи фамилию. Посему не стала тянуть кота за подробности, а призналась.

– Сними их… – В голосе Вира прорезались требовательные нотки.

Разуваться сразу расхотелось. Вот прямо совсем.

– Зачем? – подозрительно уточнила я, на всякий случай поджимая ноги.

– Помогу, – как глупому ребенку пояснил альв.

– Ты лекарь? – насторожилась я. Для своих пациентов нерадивый адепт-лекарь порою опаснее некроманта.

– Нет, я алхимик. Но кое-что в лечении понимаю.

Своему собрату по цеху я доверяла еще меньше, чем недоучке-лекарю. Потому как точно знала: хороший алхимик-целитель – еще более редкое явление, чем невинная дева в портовом борделе.

Судя по всему, на моем лице крупными литерами было начертано решительное «нет», потому как Вир больше просить не стал. А перешел к шантажу.

– Нари! Или ты сейчас снимешь босоножки и дашь вылечить твое колено и ступни, или я понесу тебя обратно на руках.

Я представила, как лечу на брусчатку второй раз, уже с рук альва, а он падает сверху вместе с корзиной, и нервно икнула.

– А может, ты просто дашь мне немного посидеть, отдохнуть? И мы пойдем дальше.

– Идти и смотреть, как ты хромаешь, мне не позволит совесть.

У-у-у, совестливый какой! Тролля с дубиной на него нет.

– Смотри в другую строну! И не мешай мне страдать.

– Ну, если это твой окончательный ответ… – протянул альв.

Я поспешно кивнула. Дома меня ждала заживляющая настойка собственного приготовления, которая за какой-то час залечит и не такие ссадины. Так что…

Додумать я не успела. Меня подхватили под колени и попытались оторвать от бортика, в который я мгновенно вцепилась руками. Вместе с мраморной плитой поднять меня оказалось проблематично.

– Нари… – предостерегающе начал альв.

– Да? – невинно спросила я.

– Ты всегда в штыки воспринимаешь любую попытку тебе помочь?

– Нет, – честно призналась я. – Иногда штыков недостаточно. Приходится использовать пульсар.

После такого заявления меня вернули обратно на место.

Альв сел рядом. Поставил на мостовую корзину. И внимательно посмотрел на меня. Слишком внимательно. Настолько, что я почувствовала себя неуютно. Потом занервничала.

– Что? – не выдержала я спустя минуту.

– Ищу к тебе индивидуальный подход, – слишком серьезно, чтобы это было шуткой, заявил Вир.

– Лучше обойди сразу, – посоветовала я.

– Давай я все же помогу, – не отступал альв. – Чего ты теряешь?

– Разве что ноги, – парировала я.

– Мне поклясться, что этого не случится?

– Не мешало бы. – Если он думал, что я отмахнусь от такого предложения, то ошибся.

Но вот на что я никак не рассчитывала, так на то, что этот… «благороднутый» и вправду станет клясться.

Однако после такого поступка мне все же пришлось подставить коленку и ступни «лекарю».

Он прикасался осторожно, едва ощутимо. Из-под пальцев альва появилось свечение, и ссадину на колене окутало теплом. Пальцы Вира скользнули к пятке, и я почувствовала легкий зуд. Значит, ссадина затягивалась. А спустя минуту и этого не осталось. Вот только Вир не спешил убирать руку. Все так же сидел на корточках. А когда он вскинул голову… Это был странный взгляд. Задумчивый и печальный.

Альв чуть склонил голову. Его губы тронула улыбка, но не ослепительная, как прежде.

Я сглотнула, поерзала на бортике. Кожа на моем колене под пальцами альва будто обрела особую чувствительность, ощущая легчайшее дуновение ветра… Касание его пальцев…

Солнце отражалось от русой головы, целовало лицо Вира. И мне вдруг захотелось прикоснуться к нему. Узнать, жесткие или мягкие его волосы на ощупь.

Я даже мотнула головой, пытаясь изгнать оттуда такую странную мысль. Полуобернулась к фонтану, ища поддержки у каменного дракона.

Считалось, что статую установили в незапамятные времена, когда Эйл не только не был столицей, но даже не принадлежал империи. По преданию, именно в этих землях была знаменитая долина драконов. Но то по преданию.

А вот судя по фактам, тысячелетие назад наша армия отвоевала земли у вампиров. И статуя дракона здесь уже стояла. Хотя без фонтана. Ее пытались снести, убрать, передвинуть. Но потом подсчитали затраты и решили, что окружить ее фонтаном будет дешевле.

Зато спустя столетия это место стало самым популярным у влюбленных. Тут назначались свидания, признавались в любви, клялись в верности…

– Интересно, эта статуя в настоящую величину? – чтобы хоть чем-то заполнить повисшую неловкую паузу, произнесла я.

– Не думаю. Взрослые драконы больше.

– Откуда знаешь? – удивилась я.

– Три года изучал усиленный курс драконологии. – Вир встал и теперь нависал надо мной в полный рост.

– А в нашем университете даже предмета такого нет, – произнесла я, опустив пальцы в воду, которая оказалась не то что прохладной, ледяной. Я быстро отдернула руку.

– Знаю. Но мне, как алхимику, это не столь важно.

– Значит, коллеги, – улыбнулась я. – Я в этом году оканчиваю университет.

– Какое совпадение. Я тоже. Так что вполне возможно, что мы окажемся в одной группе… – На меня посмотрели с хитринкой.

– А зачем ты вообще решился на учебу по обмену? Да еще и на пятом курсе, когда маячит защита диплома? – с любопытством спросила я.

Оказалось, что альв мечтал о международном дипломе и возможности практиковать не только в землях перворожденных. Но, увы, для выпускников его родной академии то была непозволительная роскошь.

– А ты, я смотрю, амбициозен.

– Амбиции могут сдвинуть такие горы, о каких ум и талант не смеют даже и мечтать, – подначил меня альв.

– А еще скромен…

– Я рад, что ты оценила, – усмехнулся Вир, снял с себя куртку и накинул мне на плечи.

– Я не замерзла, – попыталась я возразить.

– Но у тебя сзади порвано платье, – в тон мне ответил альв.

Крыть было нечем.

Мы неспешно двинулись в сторону дома. На полпути Вир заметил вывеску лавки амулетов и попросил меня подождать пару минут. Поставив корзину на тротуар, он направился туда. Вернулся, демонстрируя пластину переговорника. Не хрустальную, но и не железную. Латунный амулет по звучанию оказался чуть мелодичнее амулета Генри. То бишь не сипел и не хрипел, как напрочь проржавевшие петли, а просто иногда скрежетал. Зато пронзительно, будто вилкой по стеклу. Даже не знаю, что хуже…

Вир, надо признать, быстро приспособился говорить короткими фразами, чтобы амулет не успевал разойтись до скрежета.

Так мы и дошли до дома. И только у самой двери я поняла: устроив поход на рынок, чтобы купить «чего-нибудь к чаю», я забыла про самое главное – собственно заварку!

Глянула на Вира, тащившего полную корзину и… промолчала.

Мы вошли в дом, прошагали на кухню. Оставив Вира выгружать продукты, я поднялась в свою комнату, переоделась в домашнее платье и вернулась обратно. И пока готовила, а альв внимательно наблюдал за процессом, я и рассказала ему об Алекс. И о том, что вечером его «заберут».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Госпожа Лейрин? Мое имя Вирмар Норвуд, или Вир.

2

На чай.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nadezhda-mamaeva/spasti-diplom-ugnat-drakona

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить